

Ка / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Ка / рассказ КА

1.

У меня был Ка; в дни Белого Китая Ева, с воздушного шара Андре сойдя в снега и слыша голос «иди!» оставив в эскимосских снегах следы босых ног, – надейтесь! – удивилась бы, услышав это слово. Но народ Маср знал его тысячи лет назад. И он не был неправ, когда делил душу на Ка, Ху и Ба. Ху и Ба – слава, добрая или худая, о человеке. А Ка это тень души, ее двойник, посланник при тех людях, что снятся храпящему господину. Ему нет застав во времени; Ка ходит из снов в сны, пересекает время и достигает бронзы (бронзы времен).

В столетиях располагается удобно, как в качалке. Не так ли и сознание соединяет времена вместе как кресло и стулья гостиной.

Ка был боек, миловиден, смугол, нежен; большие чахоточные глаза византийского бога и брови, точно сделанные из одних узких точек, были у него на лице египтянина. Решительно, мы или дикари рядом с Маср, или же он приставил к душе вещи нужные и удобные, но посторонние.

Теперь кто я.

Я живу в городе, где пишут «бъ сплатныя купальни», где городская управа зовет Граждан помогать войнам, а не воинам, где хитрые дикари смотрят осторожными глазами, где лазают по деревьям с помощью кролиководства. Там черноглазая, с серебряным огнем, дикарка проходит в умершей цапле, за которой уже охотится на том свете хитрый мертвый дикарь с копьем в мертвой руке; на улицах пасутся стада тонкорунных людей, и нигде так не мечтается о Хреновском заводе кровного человеководства, как здесь. «Иначе человечество погибнет», – думается каждому. И я писал книгу о человеководстве, а кругом бродили стада тонкорунных людей. Я имею свой небольшой

зверинец друзей, мне дорогих своей породистостью; я живу на третьей или четвертой земле, начиная от солнца, и к ней хотел бы относиться как к перчаткам, которые всегда можно бросить стадам кроликов. Что еще сказать о мне? Я предвижу ужасные войны из-за того – через «ять» или «е» писать мое имя. У меня нет ногочелюстей, головогруды, усиков. Мой рост: я больше муравья, меньше слона. У меня два глаза. Но не довольно ли о мне?

Ка был мой друг, я полюбил его за птичий нрав, беззаботность, остроумие. Он был удобен, как непромокаемый плащ. Он учил, что есть слова, которыми можно видеть, слова-глаза и слова-руки, которыми можно делать. Вот некоторые его дела.

2.

Раз мы познакомились с народом, застегивающим себя на пуговицы. Действительно, внутренности открывались через полость кожи, а здесь кожа застегивалась на роговидные шарики, напоминавшие пуговицы. Во время обеда через эту полость топилась мыслящая печь. Это было так.

Стоя на большом железном мосту, я бросил в реку двухкопеечную деньгу, сказав: «Нужно заботиться о науке будущего».

Кто тот ученый рекокоп, кто найдет жертву реке?

И Ка представил меня ученому 2222 года.

– А! – через год после первого, но младенческого крика сверхгосударства АСЦУ. АСЦУ! – произнес ученый, взглянув на год медяка.- Тогда еще верили в пространство и мало думали о времени.

Он дал мне поручение составить описание человека. Я заполнил все вопросы и подал ведомостичку. «Число глаз – два,- читал он,- число рук – две; число ног – две; число пальцев – 20». Он положил худой светящийся череп на теневой палец. Мы обсуждали выгоды и невыгоды этого числа.

– Изменяются ли когда-нибудь эти числа? – спросил он, окидывая меня пронизательным взглядом умных больших глаз.

– Это предельные числа,- ответил я.- Дело в том, что иногда встречаются люди с одной рукой или ногой. Число таких людей

заметно увеличивается через 317 лет.

– Но этого довольно,- ответил он,- чтобы составить уравнение смерти. Язык,- заметил ученый 2222 года,- вечный источник знания. Как относятся друг к другу тяготение и время? Нет сомнения, что время так же относится к весу, как бремя к бесу. Но можно ли бесноваться под тяжелой ношей? Нет. Бремя поглощает силы беса. И там, где оно, его нет. Другими словами, время поглощает силы веса, и не исчезает ли вес там, где время? По духу вашего языка, время и вес – два разных поглощения одной и той же силы.

Он задумался.

– Да, в языке заложены многие истины.

На этом наше знакомство прервалось.

3.

В другой раз Ка дернул меня за рукав и сказал: «Пойдем к Аменофису»

Я заметил Ли, Шурура и Нефертити. У Шурура была черная борода кольцами.

– Здравствуйте,- кивнул Аменофис головой и продолжал:- Атэн! Сын твой, Нефер-Хепру-Ра, так говорит: «Есть порхающие боги, есть плавающие, есть ползающие. Сух, Мневис, Бонну. Скажите, есть ли на Хани мышь, которая не требовала себе молитв? Они ссорятся между собой, и бедняку некому возносить молитвы. И он счастлив, когда кто-нибудь говорит: «Это я» – и требует себе жирных омов. Девять луков! Разве не вы дрожали от боевого крика моих предков? И если я здесь, а Шеш держит гибкой рукой тень, то не от меня ли там спасает меня здесь ее рука? Разве не мое Ка сейчас среди облаков и озаряет голубой Хапи столбами огня? Я здесь велю молиться мне там! И вы, чужеземцы, несите в ваши времена мою речь».

Ка познакомил его с ученым 2222 года.

Аменофис имел слабое сложение, широкие скулы и большие глаза с изящным и детским изгибом.

В другой раз я был у Акбара и у Асоки. На обратном пути мы очень устали.

Мы избегали поездов и слышали шум Сикорского. Мы прятались от того и другого и научились спать на ходу. Ноги сами шли куда-то, независимо от ведомства сна. Голова спала. Я встретил одного художника и спросил, пойдет ли он на войну? Он ответил: «Я тоже веду войну, только не за пространство, а за время. Я сижу в окопе и отымаю у прошлого клочок времени. Мой долг одинаково тяжел, что и у войск за пространство». Он всегда писал людей с одним глазом. Я смотрел в его вишневые глаза и бледные скулы. Ка шел рядом. Лился дождь. Художник писал пир трупов, пир мести. Мертвецы величаво и важно ели овощи, озаренные подобным лучу месяца бешенством скорби.

В другой раз, по совету Ка, я выбрил наголо свою голову, измазал себя красным соком клюквы, в рот взял пузырек с красными чернилами, чтобы при случае брызгать ими; кроме того, я обвязался поясом, залез в могучие мусульманские рубашки, и надел чалму, приняв вид только что умершего. Между тем Ка делал шум битвы в зеркало бросал камень, грохотал подносом дико ржал и кричал на «а-а-а».

И что же? Очень скоро к нам прилетели две прекрасных удивленных гур с чудными черными глазами и удив ленными бровями; я был принят за умершего взят на руки, унесен куда-то далеко.

Принимая правоверных, они касались чела концами уст и так же лечили раны. Вероятно, они знали вкус крови но из вежливости не замечали. Смешно испачкавшись в чернилах своими очаровательными ротиками, 3 гур скоро стерли искусственную рану и достигли исцеления мнимого больного. Иногда гур плясали, и черные волосы гнались за ними, как играющие вороны или как сиракузские суда за Алкивиадом, как птицы, одна за другой. Это была пляска радости. Казалось, целый венок головок мчался в одном ручье Позднее радость их немного улеглась, но они по-прежнему смотрели на меня восхищенными глазами перешептываясь и сверкая ночными глазами.

Пришел Магомет и смотрел веселыми насмешливыми глазами. Он сказал что теперь многое не настоящее

– Ничего! Ничего, молодой человек продолжайте в том же духе!

Утром я проснулся немного усталый; гур смотрели немного

удивленно, точно заметили что-то странное. Губы их были чисто-начисто вымыты. Красные чернила тоже сошли с их рук. Казалось, они не решались что-то сказать. Но в это время я заметил надпись, на ней моими же красными чернилами было написано: «Вход посторонним строго возбраняется». Далее следовала замысловатая подпись. Я исчез, но запомнил запачканные красными чернилами волосы и руки Гауры и еще многое, и в тот же вечер вместе с воинами Виджаи плыл на Сахали в 543 году до Р. Хр. Гур мне чудились по-прежнему, но в одеждах, из крыл стрекоз или в шубах из незабудок, тяжелых и суровых составленных почвой и растениями, кудрявые голубые лани.

Конечно, многие из вас дружат с игровой колодой некоторые даже бредят во сне всеми этими семерками червонными девами, тузами. Но случалось ли вам играть не с предметным лицом, каким-нибудь Иваном Ивановичем, а с собирательным – хотя бы мировой волей? А я играл, и игра эта мне знакома. Я считаю ее более увлекательной той знаки достоинства которой – свечи мелок, зеленое сукно полночь. Я должен сказать, что в выборе ходов вы ничем не ограничены. Если бы игра требовала и это было в ваших силах, вы бы могли, пожалуй, стереть мокрой губкой с черного неба все его созвездия, как с училищной доски задачу. Но каждый игрок должен своим ходом свести на нет положение противника.

Несмотря на свою мировую природу, ваш противник ощущается вами как равный, игра происходит на началах взаимного уважения, и не в этом ли ее прелесть? Вам кажется, что это знакомый, и вы более увлечены игрой, чем если бы с вами играл гробовой призрак. Ка был наперсником в этой забаве.

4.

Ка печально сидел на берегу моря, спустив ноги. Осторожнее, осторожнее! Студенистые морские существа, разбитые волнами, толпились у берегов, пригнанные сюда ветром, скитаясь мертвыми стадами, и, тускло блестя, скользили из рук купальщиц, то темно-зеленых, то темно-красных в плотно одевавших их тканях. Некоторые непритворно хохотали, застигнутые волной. Ка был

худошав, строен и смугл. Котелок был на его, совсем нагом, теле. Почерневшие от моря волосы вились по плечам. Тусклые волны, поблескивая верхушками, просвечивали сквозь него. Чайка, пролетая сзади серой тени, видна была через его плечи, но теряла в живости окраски и, пролетав, снова возвращала себе яркое, черно-белое перо. Его перерезала купальщица в зеленом, усеянном серебряными пятнами, купальном. Он вздрогнул и снова вернул себе прежние очертания. Она смело улыбнулась и посмотрела на него. Ка сгорбился. Между тем, долго плававший в воде, выходил из моря на берег, покрытый ее струями, точно мехом, и был зверь, выходящий из воды. Он бросился на землю и замер; Ка заметил, что два или три наблюдательных дождевика написали на песке число шесть три раза подряд и значительно переглянулись. Татарин-мусульманин, поивший черных буйволов, бросившихся к воде, разрывая построики, и ушедших в море на такую глубину, что только темные глаза и ноздри чернели над водой, а все их покрытое коркой переплетенной с волосами грязи тело скрылось под водой, вдруг улыбнулся и сказал христианину-рыбаку: «Масих-аль-Деджал». Тот его понял, лениво достал трубку и, закулив, лениво ответил: «А кто его знает. Мы не ученые. Сказывают люди», - добавил он. Военный, в подозрную трубку следивший за редким пловцом, повесил ее на ремень и холодно посмотрел на него, повернулся и пошел плохо заметной тропинкой.

Между тем вечерело, и стадо морских змей плыло по морю. Берег опустел, и лишь Ка по-прежнему сидел, обвив руками колени. «Все суетно, все поздно», - думал он. «Эй, теневой храбрец, - казалось, крикнул ветер, - осторожнее!» Но Ка был недвижим. И волна смывает его. Подплывает белуга и проглатывает его. В новой судьбе он становится круглой галькой и живет среди ракушек одного спасательного пояса и пароходной цепи. Белуга питала слабость к старым вещам. Здесь же был пояс с арабской надписью Фатьмы Меннеды, от тех времен, когда среди копий, кончаров, весел и перначей стоял сам орел смерти, а она отражалась в воде, качнув синими серьгами, хохотунья с раскрытыми раз навсегда печальными глазами, и, ударив веслами, плыл уструг все дальше, и дальше, отраженный в ночных водах, и

точно усики ночного мотылька касались палубы ноги белого облака.

Но вот могущественная белуга умирает в сетях рыбаков.

5.

Ка вернул свободу.

Седые рыбаки с голыми икрами пели эдды, печальную песнь морских берегов, и тянули невод мелкий, частый, мокрый, полный капель, в котором порой висели черные раки, схватив клешней за нитку, напрягая жилистые руки, иногда они выпрямлялись и смотрели на вечное море. Поодаль мирно сидели, как большие дворовые собаки, орланы. Морская хохотунья села на камень, в котором был Ка, и отпечатала мокрые ноги. Сама рыба, мертвая, блестела жучками на берегу.

Но его нашла девушка и взяла с собой. Она пишет на нем танку «Если бы смерть кудри и взоры имела твои, я умереть бы хотела», а на другой стороне камня – ветку простых зеленых листьев; пусть они оттеняют своим узором нежную поверхность плоского беловатого камня. И их темно-зеленый узор обвинил камень сеткой. Он испытывал мучения Монтезумы, когда все бывало безоблачным или когда Лейли подымала камень и дотрагивалась до него губами и тихо целовала его, не подозревая в нем живого существа, и говорила языком Гоголя «тому, кто умеет усмехаться» Около был чугунный Толстой, нежно-красная морская ракушка, очень блестящая, покрытая точками, и морщинистые, с каменными лепестками, цветы. Тогда Ка соскучился и пришел к своему господину; тот пел: «Мы ели ен сао чахоточных стрижей и будем есть их до, до ен сао друзей». Это значило, что он был зол.

– О! – сказал тот мрачно, - ну говори, где и что.

Рассказ про свои обиды журчал: «Она была полна того незамного, неизъяснимого выражения...» и так далее. Собственно, это был жалобный донос на судьбу, на ее черную измену, на ее затылок.

Ка было приказано вернуться и держать стражу.

Ка отдал честь, приложился к козырьку и исчез, серый и крылатый.

На следующее утро он доносил: «Просыпается: я на часах около» (винтовка блеснула за его плечами). «Восклицательный знак; знак вопроса; многоточие. Оттуда, где дует ветер богов и где богиня Изанага, оттуда на ней змеиная полусеребряная ткань, пепельно-серая. Чтобы понять ее, нужно знать, что пепельно-серебряные, почти черные, полосы чередуются с прозрачными, как окно или чернильница. Прелесть этой ткани постигается лишь тогда, когда она озаряется слабым огнем радостной молодой рукой. Тогда по ее волнам серебристого шелка пробегает оттенок огня и вновь исчезает, как ковыль. На зданиях города так трепещет вечерний пожар. Большие очаровательные глаза. Называет себя обожаемой, очаровательной».

– Не то, – прервал я поток слов. – Ты ошибаешься, – строго заметил я.

Неужели? деланно-печально возразил Ка.

Вообрази, еще веселее произнес он немного спустя, как будто принес мне радостную весть, – три ошибки: 1) в городе, 2) улице, 3) доме.

Но где же?

Я не знаю, ответил Ка, чистосердечие звучало в его голосе.

Хотя я его очень любил, но мы поссорились. Он должен был удалиться. Махая крылами, одетый в серое, он исчез. Сумрак трепетал у его ног, точно он был прыгающий инок, мой горделивый и прекрасный бродяга. «А, это он, бездноглазый! – воскликнули несколько прохожих. – А где же Тамара, где Гудал?» – дав повод воткнуть в повесть эти художественные мелочи своим испугом горожан.

Между тем я ходил по набережной взад и вперед, и ветер рвал мой котелок и бросал косые капли на лицо и черное сукно. Я посмотрел вслед золотившемуся облачку и хрустнул руками.

Я знал, что Ка был оскорблен.

Еще раз он мелькнул в отдалении, изредка маша крылами. Мне же показалось, что я одинокий певец и что Арфа крови в моих руках. Я был пастух; у меня были стада душ. Теперь его нет. Между тем ко мне подошел кто-то сухой и сморщенный. Он

осмотрелся, значительно взглянул и сказав: «Будет! Скоро!» кивнул головой и исчез. Я пошел за ним. Там была роща. Черные дрозды и славки с черной головой скакали в листве. Как охрипшие степные волюны ревели и мычали прекрасные серые цапли высоко в небо закинув клюв, на самой высокой ветке старого сухого дуба. Но вот промелькнул инок в сухой измятой высокой шапке весь черный, среди дубов. Лицо его было желчно и сморщено. Один дуб имел дупло, в нем стояли образа и свечи. Кору не было, потому что она давно была съедена больными зубной болью. В роще был вечный полусумрак. Жуки-олени бегали по коре дубов и, вступив в единоборство, прокалывали друг другу крылья, и между черных рогов живого можно было найти сухую голову мертвого. Пьяные дубовым соком они попадались в плен мальчишкам. Я заснул здесь, и лучшая повесть арамейцев «Лейли и Медлум» навестила еще раз сон усталого смертного. Я возвращался к себе и проходил сквозь стада тонкорунных людей. В город прибыла выставка род костей, и там я увидел чучело обезьяны с пеной на черных восковых губах; черный шов был ясно заметен на груди в руках ее была восковая женщина. Я ушел.

Падение сов, странное и загадочное, удивило меня. Я верю что перед очень большой войной слово «пуговица» имеет особый пугающий смысл так как еще никому не известная война будет скрываться, как заговорщик, как рано прилетевший жаворонок, в этом слове, родственном корню «пугать». Но у меня среди этих зарослей ежевики, среди этих ив, покрытых густыми рыжими волосами корней где все было тихо и пасмурно, сурово и серо где одинокий бражник метался в воздухе, а деревья были тихи и строги какая-то пыльная трава, точно умоляя опутала мои ноги и вилась по земле, как просящая милосердия грешница Я разорвал ее нити грубыми шагами, посмотрел на нее и сказал: «И станет грубый шаг силен порвать молящийся паслён».

Я шел к себе; там моего пришествия уже ждали и знали о нем, закрывая рукой глаза, мне навстречу выходили люди. На руке у меня висела, изящно согнувшись, маленькая ручная гадюка. Я любил ее.

— Я поступил, как ворон, - думал я, - сначала дал живой воды, потом мертвой. Что ж, второй раз не дам!

Думая о камне, с написанной на нем веткой простых серо-зеленых листьев и этими словами «Если бы смерть кудри и волос носила твои, я умереть бы хотела», Ка летел в синеве неба как золотистое облако; среди малиновых облачных гор, настойчиво маша крылами, затерянный в стае красных журавлей, походившей в этот ранний час утра на красный пепел огнедышащей горы, красный, как и они, и соединенный с пламенеющей зарей красными нитями, вихрями и волокнами.

Путь был неблизок, и уж капли пота блестели на смуглом лице Ка, тоже красные от лучей зари. Но вот могучая журавлиная труба воинственных, предков зазвучала где-то выше, за рыхло-белыми громадами.

Ка сложил крылья и, осыпанный с ног до головы утренней росой, опустился на землю. На каждом его пере торчал жемчуг росы, черный и грубый. Никто не заметил, что он опустился где-то в истоках Голубого Нила. Он отряхнулся и, как озаренный месяцем лебедь, ударил трижды по воздуху крылами. К прошлому не было возврата. Друзья, слава, подвиги – все впереди. Ка сел на злого, дикого, никогда не оскорбленного седоком полосато-золотого копя и, позволяя ему кусать свои теновые, но все же прекрасные колена, поскакал по полю. Стадо полосатых щетинистых волков с гнусавым криком гналось за ним. Их голос походил на обзор молодых дарований в ежедневной и ежемесячной печати. Но золотистый скакун упрямо загибал голову и с прежним бешенством грыз теновой локоть Ка. Он наслаждался дикой скачкой. Два или три Ням-Пям бросили в него ядовитую стрелу и с суеверным ужасом упали на землю. Он приветствовал землю, потрясая рукой. У водопада он остановился. Здесь он попал в общество обезьян, с светской непринужденностью расположившихся на корнях и ветках деревьев. Одни держали пухлыми руками младенцев и кормили их; младшие возрасты с хохотом проносились по деревьям.

Черная рубашка, могучие низкие черепа, кривые клыки давали страшный отпечаток этому обществу волосатых людей. Крики буйной сладости доносились из сумрака по временам Ка вошел в их круг.

– Тогда, - вздохнул почтенный старик с мозолистым лицом, - все было иначе. Уж птица Рук исчезла. Где она? И мы не боремся с Ганноном, вырывая мечи и ломая их о колено, как гнилой хворост, и покрывая себя славой он ушел снова в море. А птица Рук? Я не могу завернуться одним ее могучим пером и спать на другом! А давно ли она, слетая с снежных гор, утром будила слонов своим криком. И мы говорили: «Вот птица Рук!» Тогда она подымала за облака слонят; и они смотрели вниз на землю, и хобот их был ниже тучи, как и ноги, а глаза, серый лоб и уши – выше голубой черты тучи. Она отошла! Прости о Рук!..

– Прости, - заметили обезьяны, подымаясь с своих мест.

Здесь же, у костра, сидела Белая, кутаясь в остатки шали. Вероятно, она зажгла костер и в силу этого пользовалась некоторым почетом.

– Белая! – обратился к ней старик, - когда ты шагала через пустыню, мы знали; мы послали молодежь – и ты у нас, хотя многие в последний раз взглянули на звезды. Спой нам на языке своей родины.

Молодая Белая встала.

– Посторонись, бабушка! – сказала златоволосая девушка старой обезьяне, сидевшей на дороге.

Золотые волосы одевали ее в один сплошной золотой сумрак. Слабо журча, они лились вниз, как зажженные воды, мимо плеча, покрасневшего и озябнувшего. Вместе с прекрасной скорбью, отразившейся в ее движениях, она была поразительно хороша и чудно стройна. Ка заметил, что на ноге красивой правильной ноги отразилась вся площадка леса, множество обезьян, дымящийся костер и клочок неба. Точно в небольшом зеркале, можно было заметить старцев, волосатые тела, крохотных младенцев и весь табор лесного племени. Казалось, их лица ожидали конца мира и чьего-то прихода.

Они были искажены тоской и злобой; тихий вой временами вырывался из уст. Ка поставил в воздухе слоновый бивень и на верхней черте, точно винтики для струн, прикрепил года: 411, 709, 1237, 1453, 1871; а внизу на нижней доске года: 1491, 1193, 665, 449, 31. Струны, слабо звеневшие, соединяли верхние и нижние гвоздики слоновьего бивня.

– Ты будешь петь? – спросил он.

– Да! – ответила она. Она дотронулась до струи и произнесла: «Судеб завистливых волей я среди вас; если бы судьбы были простыми портнихами, я бы сказала: плохо иглою владеете, им отказала в заказах, села сама за работу. Мы заставим само железо запеть «0, рассмейтесь!».

Она провела рукой по струнам: они издали рокочущий звук лебединой стаи, сразу опустившейся на озеро.

Ка заметил, что каждая струна состояла из 6 частей по 317 лет в каждой, всего 1902 года. При этом в то время, как верхние колышки означали нашествие Востока на Запад, винтики нижних концов струн значили движение с Запада на Восток. Вандалы, арабы, татары, турки, немцы были вверху; внизу – египтяне Гатчепсут, греки Одиссея, скифы, греки Перикла, римляне. Ка прикрепил еще одну струну: 78 год, - нашествие скифов Адия Саки и 1980 – Восток.

Ка изучал условия игры на 7 струнах.

Между тем Лейли горько плакала, уронив чудные золотые волосы на землю,

– Худо свой труд, исполняете, горько иглою владеете, - произнесла она, горько всхлипывая.

Ка сломил ветку и положил около плачущей Лейли вздрогнула и сказала: «Некогда в детстве безбурном камень имела я круглый и ветку такую на нем».

Ка отошел в сторону, в сумрак; затаенные рыдания душили его; зелеными листьями он осушал свои слезы и вспомнил белую светелку, цветы, книги.

Слушай, - сказал старик, - я расскажу о гостье обезьян. На Моа приехала она однажды к нам. Мертвая бабочка на игле дикобраза, вонзенной в черную прическу, ей заменяла веер и опахала. В руке был ивы прут с серебряными почками, в руке у Venus обезьян; ладонью черной она держалась за Моа; за крылья и за грудь. Лицо ее черно, как ворон, и черный мех курчавый мягко вился ночным руном по телу; улыбкой страстной миловидна, хорошеньким ягненком казалась она нам. И с хохотом промчалась сквозь страну Богиня черных грудей, богиня ночных вздохов.

Лейли: «Если бы смерть кудри и волос носила твои, я умереть бы

хотела» уходит в сумрак, заломив над собой руки

– А где Аменофис? – слышались вопросы.

Ка понял, что кого-то не хватало.

– Кто это? – спросил Ка.

– Это Аменофис, сын Теи, – с особым уважением ответили ему. – Мы верим, он бродит у водопада и повторяет имя Нефертити.

Аи, Туту, Азири и Шурура, страж меча, кругом. Ведь наш повелитель до переселения душ был повелителем на Хапи мутном. И Анх сенпа Атен идет сквозь Хут Атен на Хапи за цветами. Не об этом ли мечтает он сейчас?

Но вот пришел Аменофис; народ обезьян умолк. Все поднялись с своих мест.

– Садитесь, – произнес Аменофис, протягивая руку. В глубокой задумчивости он опустил на землю. Все сели.

Костер вспыхнул, и у него, собравшись вместе, беседовали про себя 4 Ка: Ка Эхнатэна, Ка Акбара, Ка Асоки и наш юноша. Слово «сверхгосударство» мелькало чаще, чем следует. Мы шушукались. Но страшный шум смутил нас; как звери, бросились белые. Выстрел. Огонь пробежал.

– Аменофис ранен, Аменофис умирает! – пронеслось по рядам сражающихся.

Всё было в бегстве. Многие храбро, но бесплодно умирали.

– Иди и дух мой передай достойнейшему! – сказал Эхнатэн, закрывая глаза своему Ка. – Дай ему мой поцелуй.

– Бежим! Бежим!

По черно-пепельному и грозовому небу долго бежали четыре духа; на руках «их лежала в глубоком обмороке Белая, распустив золотые волосы; только раз мотылек поднял свой хобот и в болоте захрапел водяной конь...

Бегство было удачно: их никто не видел.

8.

Но что же происходило в лесу? Как был убит Аменофис?

I – Аменофис, сын Тэи. II – он же, черная обезьяна (полосатые волчата, попугай).

1) Я Эхнатэн.

2) И сын Амона.

3) Что говоришь, Аи, отец богов?

4) Не дашь ли ты Ушепти?

5) Я бог богов; так величал меня ромету; и точно, как простых рабочих, уволил я Озириса, Гатор, Себека и всех вас. Разжаловал, как рабису. О солнце, Ра Атэн.

6) Давай, Аи, лепить слова, понятные для пахаря. Жречество, вы мошки, облепившие каменный тростник храмов! В начале было слово...

7) О Нефертити, помогай!

Я пашни Хапи озаливил, Я к солнцу вас, ромету, вывел, Я начерчу на камне стен, Что я кум Солнца Эхнатэн.

От суеверий облаков Ра светлый лик очистил.

И с шепотом тихим Ушепти Повторит за мною: ты прав!

О, Эхнатэн, кум Солнца слабогрудый!

8) Теперь же дайте черепахи щит. И струны. Аи! Есть ли на Хапимышь, которой не строили б храма? Они хрюкают, мычат, ревут; они жуют сено, ловят жуков и едят невольников. Целые священные города у них. Богов больше, чем небогов. Это непорядок.

1) Хау-хау.

2) Жрабр чап-чап!

3) Угуум мхээ! Мхээ!

4) Бгав! Гхав ха! Ха! Ха!

5) Эбза читорень! Эпсей кай-кай! (Гуляет в сумрачной дубраве и срывает цветы.) Мгуум мап! Мап! Мап! Мап! (кушает птенчиков).

6) Мно бпэг; бпэг! Вийг! Га ха! Мал! Бгхав! Гхав!

7) Егжизэу равира! Мал! Мал! Мал! Май, май. Хаио хао хиуциу.

8) Р р р р а га-га. Га! Грав! Эньма мээиу-уиай!

Аменофис в шкуре утанга переживает свой вчерашний день. Ест древесный овощ, играет на лютне из черепа слоненка. Остальные слушают.

Ручной попугай из России: «Прозрачно небо. Звезды блещут. Слыхали ль «вы? Встречали ль вы? Певца своей любви, певца своей печали?»

Трубные голоса слонов, возвращающихся с водопоя.

Русская хижина в лесу, около Нила. Приезд торговца зверями. На бревенчатых стенах ружья (Чехов), рога. Слоненок с железной

цепью на ноге.

Купец. Перо, бивни; хорошо, дюша моя. Заказ: обезьяна, большой самец. • Понимаешь? Нельзя живьем, можно мертвую на чучело; зашить швы, восковая пена и обморок из воска в руки. По городам. Це, це! Я здесь ехал: «аленькая резвая, бегают с кувшином по камням. Стук-стук-стук. Ножки. Недорого. Еще стакан вина, дюша моя.

Старик. Слушай, почтенный господин мой, он рассердится и может испортить прическу и воротнички почтенному господину.

Торговец. Прощайте! Не сердитесь. Хе-хе! Так охота на завтра? Приготовьте ружья, черных в засаду; с кувшином пойдет за водой, тот выйдет и будет убит. Цельтесь в лоб и в черную грудь.

Женщина с кувшином. Мне жаль тебя: ты выглянешь из-за сосны, и в это время выстрел меткий тебе даст смерть. А я слыхала, что ты не просто обезьяна, но и Эхнатэн. Вот он, я ласково взгляну, чтобы, умирая, ты озарен был осенью желанья. Мой милый и мой страшный обожатель. Дым? Выстрел! О, страшный крик!

Эхнатэн — черная обезьяна. Мэу! Манч! Манч! Манч! (Падает и сухой травой зажимает рану.)

Голоса. Убит! Убит! Пляшите! Пир вечером.

Женщина кладет ему руку на голову.

Аменофис. Манч! Манч! Манч! (Умирает.)

Духи схватывают Лейли и уносят ее.

Древний Египет

Жрецы обсуждают способы мести.

— Он растоптал обычаи и равенством населил мир мертвых; он пошатнул лас. Смерть! Смерть! Вскидывают, поднимают руки жрецы.

Эхнатэн. О, вечер пятый, причал травы!

Плыви «величие любви» И веслами качай.

Как будто бы ресницей.

Гатор прекрасно и мятежно Рыдает о прекрасном Горе.

Коровий лоб... рога телицы...

Широкий стан.

Широкий выступ выше пояса.

И опрокинутую тень Гатор с коровьими рогами, что месяц серебрит в пучине Хапи, перерезал с пилой брони проворный ящер. Другой с ним спорил из-за трупа невольника.

Вниз головой, прекрасный, но мертвый, он плыл вниз по Хапи.

Жрецы (тихо). Отравы. Эй! Пий, Эхнатэн! День жарок. Выпил! (Скачут.) Умер!

Эхнатэн (падая). Шурура, где ты? Ай, где заклинания? О Нефертити, Нефертити! (Падает с пеной на устах. Умирает, хватаясь рукой за воздух.) Вот что произошло у водопада.

9.

Это было в те дни, когда люди впервые летали над столицей севера. Я жил высоко и думал о семи стопах времени; ... Египет – Рим, одной Россия – Англия, и плавал из пыли Коперника в пыль Менделеева под шум Сикорского. Меня занимала длина воли добра и зла, я мечтал о двояковыпуклых чечевицах добра и зла, так как я знал, что темные греющие лучи совпадают с учением о зле, а холодные и светлые – с учением о добре. Я думал о кусках времени тающих в мировом, о смерти.

И на путь меж звезд морозный Полечу я не с молитвой, Полечу я мертвый, грозный С окровавленной бритвой.

Есть скрипки трепетного, еще юношеского, горла и холодной бритвы, есть роскошная живопись своей почерневшей кровью по белым цветам. Один мой знакомый – вы его помните – умер так; он думал как лев, а умер, как Львова. Ко мне пришел один мой друг, с черными радостно-жестокими глазами, глазами и подругой. Они принесли много сена славы, венков и цветов. Я смотрел, как Енисей зимой. Как вороны, принесли пищи. Их любовная дерзость дошла до того, что они в моем присутствии целовались, не замечая спрятавшегося льва, мышата!

Они удалились в Дидову Хату. На сухом измятом лепестке лотоса я написал голову Аменофиса; лотос из устья Волги, или Ра.

Вдруг стекло ночного окна да Каменноостровском разбилось, посыпалось и через окно просунулась голова лежавшей спокойно, вдвинутой, как ящик с овощами походившей на мертвую, Лейли. В то же время четыре Ка вошли ко мне. «Эхнатэн умер,- сообщили

они печальную весть.- Мы принесли его завешание». Он подал письмо, запечатанное черной смолой абракадаспа. Вокруг моей руки обвивался кольцами молодой удав; я положил его на место и почувствовал кругом шеи мягкие руки Лейли.

Удав перегибался и холодно и зло смотрел неподвижными глазами. Она радостно обвила мою шею руками (может быть, я был продолжение сна) и сказала только: «Медлум».

Растроганные Ка отошли в сторону и молча утирали слезы. На них были походные сапоги, лосиные штаны. Они плакали. Ка от имени своих друзей передал мне поцелуй Аменофиса и поцеловал запахом пороха. Мы сидели за серебряным самоваром, и в изгибах серебра (по-видимому, это было оно) отразились Я, Лейли и четыре Ка: мое, Виджаи, Асоки, Аменофиса.

22 февраля – 10 марта 1915

Велимир ХЛЕБНИКОВ. Neкаýalar